

Новгородское летописание 20-х гг. XV в.

В истории летописания важным и до сих пор до конца не проясненным вопросом остается складывание новгородских сводов в 20-х гг. XV в. Общеизвестным является мнение, что новгородская «владычная» летопись велась «из года в год»,¹ однако исследователи уже обнаруживали различные приметы существования определенных этапов летописания — сводов-протографов. А. А. Шахматов показал, что Новгородская I летопись младшего извода (далее — НIмл), доведенная в Комиссионном списке до 1439 г. (основной почерк), а в Академическом, Толстовском и Воронцовском — до 1443 г., восходит к протографу 1432 г. или 1433 г.² Эта гипотеза, основанная на факте повторения известия 6940 (1432) г. в списках НIмл³ и подкрепленная упоминанием Юрия Дмитриевича как «великого князя» в Троицком списке НIмл, поддерживается и современными учеными.⁴ Более ранний этап новгородского летописания А. А. Шахматов относил к 1421 г. («ибо свод 1448 г., держась своих источников, не переходил в основной своей части за 1422 г.»⁵) и считал, что это и был «Софийский временник», составитель которого (Матфей Михайлов) использовал в ранних известиях так называемый Начальный свод конца XI в.⁶ Впоследствии исследователь отказался от представления о двух этапах редактирования новгородского летописания и предложил считать «Софийским временником» Матфея Михайлова свод 1432 г.⁷ М. Д. Приселков датировал этот памятник 1418 г.,⁸ а Д. С. Лихачев вернулся к гипотезе о своде-протографе 1433 г., полагая, что «Софийский временник» возник в 30-х гг. XII в.⁹ По мнению Я. С. Лурье, свод-протограф НIмл может быть датирован началом XV в., причем возможно существование и более раннего свода первой половины

¹ См., например: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 168; Лихачев Д. С. Литература Новгорода // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2., ч. 1. С. 115—116.

² Шахматов А. А. Обзорение... С. 174, 336.

³ Там же. С. 129, 156, 165 и др.

⁴ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 301; Клосс Б. М. Летопись Новгородская первая // Словарь книжников. Вып. 1. С. 246.

⁵ Шахматов А. А. Обзорение... С. 155.

⁶ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Нестерова летопись // ИОРЯС. 1908. Т. 13, кн. 1.

⁷ Шахматов А. А. Обзорение... С. 366.

⁸ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 150.

⁹ Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 206—207, 443—444 и др.; 2) «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240—265.

ХІІ в.¹⁰ В. Л. Янин считает, что «Временником» назывался реконструируемый им свод 1204 г., который был продолжен более поздними записями вплоть до первой четверти XV в.¹¹ Исследователь предположил, что раздел, предшествующий летописному тексту в Комиссионном списке НІмл (включающий перечни князей, митрополитов, посадников, тысяцких, архиепископов и т. д.), был составлен в 1423 г.,¹² но аналогичный обзор в статье 6497 (989) г. «демонстрирует более поздний этап редактирования».¹³ Различные мнения высказывались также и о времени возникновения и о характере взаимоотношения протографов Новгородской Карамзинской (далее — НК) и Новгородской ІV (далее — НІV) летописей.¹⁴ Таким образом, мы видим, что существующие исследования оставляют не до конца проясненным вопрос о редактировании летописей Великого Новгорода в 20-х гг. XV в. Для того чтобы попытаться его прояснить, мы рассмотрим текст названных летописей за период начиная со смерти архиепископа Симеона (15 июня 1421 г.), когда владычную кафедру последовательно занимали игумен Клопского монастыря Феодосий (1 сентября 1421 г.—конец августа 1423 г.) и выходец из Деревяницкого монастыря Емелиан (Евфимий) Братый (31 августа 1423 г.—1 ноября 1429 г.).

В НІмл после описания выборов по жребию нового архиепископа 1 сентября 1421 г. следуют недатированные известия:

«Того же лѣта свершены быша 4 церкви камены: Богоявление на полѣ, Въскресение у Благовещения въ монастыри, Иванъ милостивыи в Людинѣ конци; а новгородци человаша крестъ за одинъ брат. Въ си два лѣта бысть глад и мор великъ, и наметаша мертвых три скуделницѣ: одну въ святѣи Софѣи за олтарем, а двѣ у Рожества на полѣ».¹⁵

6930 (1422) г. в тексте вообще не проставлен, а летописная запись 6931 (1423) г. открывается известием: «Бысть знамение в солнци». Как отметил Н. Г. Бережков, эта запись относится, по всей видимости, к солнечному затмению 26 июня 1424 г.,¹⁶ хотя в следующей годовой статье встречаются известия, датированные сентябрем 1423 г. (изгнание Феодосия и возведение на кафедру Евфимия). Правда, в неопубликованном и требующем специального изучения «Летописце епископа Павла» сообщается о знаменьях в солнце как под 1422 г., так и под 1423 г., а под 1424 г. отдельно сообщается о затмении («гибло солнце») (см.: БАН, собр. Доброхотова, № 18, л. 46 об.). Но в любом случае, относить ли возобновление

¹⁰ Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 199.

¹¹ Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской І летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 153—181.

¹² Там же. С. 158—160.

¹³ Там же. С. 159.

¹⁴ См.: Лурье Я. С. Новгородская Карамзинская летопись // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 207—213; Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГІБ, F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 165—198; Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. С. 199—218; Lind J. In the Workshop of a Fifteenth Century Russian Chronicle Editor: The Novgorod Karamzin Chronicle and the Making of the Fourth Novgorod Chronicle // The Medieval Text: Editors and Critics (Proceedings of 14th International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages). Odense, Univ. Press, 1989. P. 65—81; Бобров А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 3—20.

¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 414 (далее — НІПЛ). В приведенном тексте обращает на себя внимание тот факт, что вместо 4 церковью названо только три; сравнение с НК и НІV показывает, что кроме церкви Воскресения в Благовещенском монастыре должна быть названа церковь Воскресения в Павлове монастыре (см. НК: ГІБ, F.IV.603, л. 425). Этот повтор слова «Воскресения» вызвал ошибку переписчика протографа НІмл (пропуск присущ всем спискам НІмл).

¹⁶ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 301.

летописных записей в НІмл после лакуны к осени 1423 г. или к лету 1424 г., мы можем отметить практически полное отсутствие известий за время архиепископа Феодосия. Возникает вопрос: сокращены ли эти записи впоследствии, или же при Феодосии летописание не велось?

Напомним, что, как показал Л. А. Дмитриев, этот владыка был выходцем из монастыря с промосковской ориентацией и занял архиепископскую кафедру на гребне народных волнений летом 1421 г., а уже через два года был вынужден вернуться в свою обитель.¹⁷ Феодосий был чужим, пришельцем в Новгороде.¹⁸ Подвизавшийся в том же монастыре Михаил Клопский был родственником московских князей (сын Дмитрия Донского Константин назвал его, встретив в монастыре, «своитином»¹⁹). В. Л. Янин убедительно предположил, что Михаил был сыном Д. М. Волинского-Боброка, внуком князя Ивана Красного.²⁰ В этой связи появление в разделе, предшествующем Комиссионному списку НІмл, рубрик «Сие родословятся велицѣи князи русьстии», «Родословие тѣх же князеи», «Кто колико княжил», «А се князи русьстии»,²¹ в которых, кстати, упоминается и Иван Красный,²² действительно можно отнести к 1423 г., когда «владычное» летописание велось под руководством Феодосия Клопского. Характерно, что эти рубрики дошли до нас только в одном списке НІмл — Комиссионном, причем в Новороссийском списке НІV, где есть аналогичный раздел, великокняжеские родословия опущены, однако они встречаются в «Летописце епископа Павла».²³

Среди статей, предшествующих Комиссионному списку НІмл, отметим также рубрику «А се имена всѣм градом руским, далним и ближним» (НПЛ. С. 475—477). По поводу этого текста, оформившегося в конце XIV—начале XV в. и встречающегося в различных летописных сборниках, А. Н. Насонов заметил, что в нем «выражена идея единства Юго-Западной и Западной Руси и Руси Северной и Северо-Восточной, собраны города „дальние“ и „ближние“».²⁴ Для НІмл, в целом не интересующейся событиями за пределами Новгородских земель, включение в предваряющие ее текст статьи таких разделов кажется по меньшей мере необычным. Действительно, в статье 6497 (989) г., содержащей перечни такого типа, нет ни списков великих князей, ни списков русских городов.

Таким образом, можно полагать, что эти рубрики в Комиссионном списке НІмл представляют собой случайно уцелевшие следы работы с летописью владыки Феодосия. Если эта работа велась, то, по всей видимости, известия 1422 и 1423 гг. существовали, а после изгнания этого владыки были изъяты как неприемлемые с точки зрения следующего архиепископа — Евфимия I Брадатового. Из жития Михаила Клопского мы знаем о неприязнен-

¹⁷ Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 32—34.

¹⁸ Согласно НІV, новгородцы мотивировали его смещение с кафедры так: «Не хотим шестника владыкою» (ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 431).

¹⁹ Повести о житии... С. 91.

²⁰ Янин В. Л. К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 52—61.

²¹ НПЛ. С. 465—469.

²² Там же. С. 466, 468.

²³ Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 92—93.

²⁴ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 276.

ном отношении иноков этой обители к новому владыке,²⁵ выходцу из Деревяницкого монастыря, со времени основания тесно связанного с «домом святой Софии». ²⁶ Как справедливо заметила Э. С. Смирнова, «Евфимий I, сменивший Феодосия, восстановил традиционно новгородскую, сепаратистскую ориентацию архиепископского дома». ²⁷ Продолжил он и летопись, хотя записи 6931 (1423)—6936 (1428) гг. весьма лапидарны; они посвящены главным образом строительству церквей (1423, 1424, 1427 гг.) и военным акциям новгородцев (1425, 1426, 1428 гг.). Из неновгородских событий отмечены лишь введение во Пскове собственных денег, преставление Василия Дмитриевича (1424 г.) и Ивана Михайловича Тверского (1425 г.). Летописец Евфимия I подчеркивал роль владыки в церковном строительстве, что в летописях, составленных после его смерти, при Евфимии II, было замечено и исправлено:

	НПмл	НК (ГПБ, F. IV.603)
6932 (1424) г.	Того же лѣта постави владыка Еуфимей церковь святого Спаса Милостиваго за олтаремъ у святыи Софѣи (НПЛ. С. 415).	Того ж лѣта поставиша новгородци церковь святыи Спас у Софѣи за олтаремъ в един день (л. 425 об.).
6935 (1427) г.	Свершена бысть церковь камина святыи Спасъ Милостивый владыкою Еуфимиемъ, и устроена бысть дивно иконами и книгами (там же).	Съвершена бысть церковь камена святыи Спас Милостивый поведением владыце Евфимиа (там же).

1 ноября 1429 г. Евфимий Брадатый преставился. Он управлял новгородской епархией более 6 лет, не оставив заметного следа в ее истории. ²⁸ В области летописания он отличился, кажется, лишь тем, что устранил

²⁵ Повесть о житии... С. 43—45, 93 (о том, что Евфимий I не захотел принять участие в похоронах Феодосия, из-за чего последний пролежал три дня непохороненным), 98, 104—105 (о том, как Евфимий I, захотев получить с Клопского монастыря «куны», взял вороного коня, а Михаил в ответ предсказал ему скорую смерть).

²⁶ В Деревяницком монастыре существовали «владычьи хоромы» (1414 г., НПЛ. С. 404), предназначавшиеся, по всей видимости, для ушедших «на покой» архиепископов, а сам монастырь рассматривался как «владычный» некрополь. Если факт погребения здесь архиепископов Алексея (ум. в 1389 г.) и Иоанна (ум. в 1417 г.) подтверждается свидетельством НПмл (см.: НПЛ. С. 407, 475), то вопрос о месте погребения Евфимия I более сложен. В. Л. Янин отмечал, что «место погребения Евфимия I Брадатого (1423—1429) в древних источниках не зафиксировано» (Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 66), и предполагал, что он мог быть похоронен в Мартирьевской паперти Софийского собора (Там же. С. 66, 87). Однако в 1989 г. Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР приобрело Устав Иерусалимский, датируемый по пасхалии 1498 г. и принадлежавший в XVI в. Деревяницкому монастырю. Запись того же времени прямо указывает: «Месяца ноября 1 день объѣд по владыки по Еуфимьи, что лежит здѣсь, по челкви брати» (ИРЛИ, Новгородско-Псковское собр., № 89, л. 296 об.). Таким образом, Евфимий I, выходец из Деревяницкого монастыря, в этой же обители и похоронен. В находящихся рядом записях упоминаются поминальные трапезы для братии по владыкам Алексею, Иоанну и Василию Калике, из чего следует, что последний, возможно, предполагал «удалиться на покой» в эту обитель, так как дал вклад на «вечное поминание».

²⁷ Смирнова Э. С. Очерки истории новгородской иконописи XV в. // Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода: XV век. М., 1982. С. 26.

²⁸ См. о нем: Понырко Н. В. Евфимий I (Емелиан) Брадатый // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 205—206; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 50—51, 176—177.

годовые статьи 1422 и 1423 гг., написанные при его предшественнике Феодосии, и возобновил традиционный узконовгородский подход к ведению владычной летописи. И в других областях книжной культуры время Евфимия I не дало ничего примечательного (известна всего лишь одна переписанная в период его «владычества» новгородская рукопись: Стихирарь 1424 г. — ГИМ, Синодальное собр., № 199). Местный патриотизм, порожденный стремлением к независимости, начал перерастать в искусственную самоизоляцию, автаркию. Новгородская культура отторгла чужака — Феодосия с его слишком прямолинейной промосковской линией, но она нуждалась в притоке свежих тем, сюжетов и образов. Следующий архиепископ, Евфимий II, выходец из Лисицкого монастыря с его богатыми книжными традициями и связями с византийским миром,²⁹ сумел вдохнуть новые силы в культуру Великого Новгорода.

²⁹ См.: Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV—первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси: XI—XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 78—98.